

Barbara Jakubowska

Художественная речь в рассказах Василия Шукшина

Rusycystyczne Studia Literaturoznawcze 3, 144-157

1979

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach
dozwolonego użytku.

Художественная речь в рассказах Василия Шукшина

Барбара Якубовска

Организация речи в художественном произведении включает два сектора: сферу повествования и сферу высказывания героев. Сфера повествования может включать следующие элементы: рассказ о событиях, описании пейзажа или фона, характеристику героев и так далее. В свою очередь сфера высказывания героев охватывает речь персонажей, то есть их диалоги и монологи.

В настоящей работе займемся рассмотрением элементов организации речи в рассказах Шукшина.

Рассказам Василия Шукшина свойственна особая манера повествования, которую можно определить как сказ.

Вопрос о сказе в последнее время наиболее полно был разработан Н. А. Кожевниковой в работе *О типах повествования в советской прозе*¹. Именно она приводит мнения известных советских исследователей о сущности сказа. Кожевникова напоминает, что по Б. М. Эйхенбауму сказ — это „установка на устную речь рассказчика“. Ученый считал, что литературный текст надо не только читать, но и слушать, что письменная речь часто строится по законам устной, сохраняя голос и интонацию, — и это является характерной чертой сказа². Это понимание сказа, как верно замечает Кожевникова, было развито В. В. Виноградовым:

„Сказ — это своеобразная литературно-художественная ориентация на устный монолог повествующего типа, это художественная имитация монологической речи, которая как будто строится в порядке ее непосредственного говорения.“³

С Эйхенбаумом полемизировал М. М. Бахтин:

„В большинстве случаев сказ есть прежде всего установка на

¹ Н. А. Кожевникова: *О типах повествования в советской прозе*, [в:] *Вопросы языка современной русской литературы*, „Наука“, Москва 1971.

² Б. М. Эйхенбаум: *Лесков и современная проза*. Цитирую по Н. А. Кожевниковой, там же, с. 98.

³ В. В. Виноградов: *Проблема сказа в стилистике*. Цитирую по Н. А. Кожевниковой, там же, с. 98.

чужую речь, а уж отсюда, как следствие — на устную речь. В большинстве случаев сказ вводится именно ради чужого голоса, голоса социально определенного, приносящего с собой ряд точек зрения и оценок, которые именно и нужны автору. Вводится, собственно, рассказчик, рассказчик же — человек не литературный и в большинстве случаев принадлежащий к нижшим социальным слоям, к народу — и приприсит с собою устную речь.”⁴

Кожевникова в своей работе доказывает, что во мнениях этих исследователей противоречий нет, что это лишь разные аспекты одной и той же проблемы. Упомянутые советские исследователи соглашаются, что в сказе важна сама установка на устную речь. Причем Б. Эйхенбаум эту устность трактует как специфику слова, обращенного к слушателю, что у него связано с концепцией формальной школы, которая исходит из понимания художественного слова как декламации, а не как слова для глаза. Значит, Эйхенбаум отсылает сказ к формам допечатной литературы. Виноградов, полемизируя с Эйхенбаумом, замечает, что слово в печатной речи тоже всегда звучало, что печатное слово не исключает звучания, оно стилистически направлено на слушателя. Также и Бахтин признает устность сказа. У него проблема сказа включена в систему его концепций — жанра романа и диалогического слова в романе; отсюда у него установка на чужое высказывание.

Опираясь на высказывания вышеупомянутых литературоведов, приходим к выводу, что отличительной чертой сказа является устность. Речь рассказчика вызывает впечатление звучащей разговорной речи, речи произносимой и непринужденной, которая возникает непосредственно в момент говорения. Сказ включает в свою структуру речи либо одного слушателя, либо широкую аудиторию.

У Шукшина объект представления обуславливает стиль его рассказов. Писателя отличает демократизм художественной позиции. Его интересует определенный тип героя, а именно человек из народа — сельский житель с его внутренним миром, проблемами. Писатель всегда близок герою, старательно всматривается в него, старается понять его запросы. Эта близость к герою повлекла модификацию в сфере стилистики. Шукшин принимает точку зрения своего героя, стремится увидеть мир его глазами, описать явления языком героя. Отсюда у Шукшина появляется рассказчик из народа.

Сказ в рассказах Шукшина связан с присутствием рассказчика, который повествует о каком-то происшествии, главным образом, от третьего лица. Повествование рассказчика создает впечатление живой разговорной речи. Например, уже самое начало рассказа *Упорный* вызывает ощущение непринужденного рассказывания, возникающего в момент говорения:

⁴ М. М. Бахтин: Проблемы поэтики Достоевского. Цитирую по Н. А. Кожевниковой, там же, с. 99.

„Все началось с того, что Моня Квасов прочитал в какой-то книжке, что вечный двигатель невозможен. По тем-то и тем-то причинам — потому хотя бы, что существует трение.”⁵

Первые слова рассказа „Все началось с того ... ” имеют конструкцию, свойственную обычному, живому рассказу. Такую же конструкцию замечаем в первых словах рассказа *Мастер*:

„Жил-был в селе Чебровка некто Семка Рысь” (с. 244)

А вот начало рассказа *Танцующий Шива*:

„В чайной произошла драка. Дело было так... (с. 272)

Приведенные нами примеры подтверждают, что в рассказах Шукшина уже с первых предложений отчетливо выражается иллюзия живого, неподготовленного рассказа.

Для шукшинского сказа характерно то, что автор, создавая иллюзию живого рассказа, строит речь рассказчика со множеством подробностей. Например, в рассказе *Танцующий Шива*:

„Дело было так: плотники, семь человек, получили аванс (рубли ссельмаг) и после работы пошли в чайную, как они говорят — посидеть. Взяли семь бутылок портвейна (водки в чайной не было), семь котлет, сдвинули два столка, сели и стали помаленьку пропускать и кушать котлеты.” (с. 272)

Устному рассказу свойственно также предупреждение читателя, о чем пойдет речь в рассказе:

„Про Глсба Капустина надо рассказать, чтобы понять, почему у него на крыше собрались мужики и чего они ждали.” (с. 172)

Или:

„Это история о том, как Михаил Александрович Егоров, кандидат наук, длинный, сосредоточенный очкарик, чуть не женился.” (с. 409)

Отличительной чертой сказа у Шукшина является стремление к локализации событий, к точному указанию имени героя и детализированной подаче других его „анкетных данных”. Черту эту замечаем во многих рассказах Шукшина. Это увеличивает иллюзию устной речи. Пример:

„Моне шел двадцать шестой год. Он жил с бабкой, хотя где-то были и родители, мать с отцом, но бабка еще маленького взяла его к себе от родителей (те вечно то расходился то опять сходился) и вырастила. Моня окончил семилетку в деревне, поучился в сельскохозяйственном техникуме полтора года, не понравилось, бросил, до армии работал в колхозе, отслужил в армии, приобрел там специальность шофера и теперь работал в совхозе шофером.” (с. 332)

⁵ В. М. Шукшин: Избранные произведения в двух томах, т. 1, „Молодая гвардия”, Москва 1975, с. 331. Далее цитирую по этому изданию, указывая страницы в тексте.

Или:

„Звали его Василий Егорыч Князев. Было ему тридцать девять лет от роду. Он работал кинемехаником в селс. Обожал сыщиков и собак. В детстве мечтал быть шпионом.” (с. 111)

Впечатление речи неподготовленной углубляется тем, что рассказ ведется так, будто говорящий в ходе рассказа припоминал события давних лет, как бы вот сейчас, в этот момент, извлекал события из своей памяти⁶. Создается иллюзия припоминания в процессе говорения. Например:

„Давно-давно это было! Так давно, что и вспоминать неохота, когда это было. Это было давно и прекрасно. Весна была — вот что стоит в памяти, как будто это было вчера.” (с. 403)

Или:

„Вспоминаю из детства один случай.” (с. 213)

Сказ имитирует устную разговорную речь и это подтверждается интонацией. Устная разговорная речь отличается интонационной прерывистостью. Вот пример создания иллюзии прерывистости речи:

„Была девушка... женщина, которая медленно, ласково называла его Мишель. Очкарика слегка коробило, что он Мишель, он был русский умный человек, потому вся эта... весь этот звякающий чужой набор — »Мишель«, »Базиль«, »Андж« — все это его смущало, стыдно было, но он решил, что он потом, позже, подправит свою подругу, она станет проще.” (с. 409)

Для устной речи характерно отсутствие длинных синтаксических периодов, поэтому в рассказах Шукшина речь рассказчика часто основана на коротких фразах, например:

„Все кругом говорили, что у Сереги Безменова злая жена. Злая, капризная и дура. Все это видели и понимали. Не видел и не понимал этого только Серега.” (с. 309)

Сказ создается и собственно грамматическими средствами. Характерно для него употребление повторяющихся союзов *а*, *и* в сложных предложениях, которые передают неподготовленность речи рассказчика, одновременность обдумывания и произношения; при помощи этих союзов говорящий связывает предложения по ходу развертывания высказывания. Ощущение сказа поддерживается союзами *а*, *и*, вынесенными в начало предложения. Роль этих союзов в том, что они присоединяют новые мысли, возникает впечатление продолжения разговора⁷. Такое употребление союзов свойственно разговорной речи. Например:

„И опять, в который раз, увидел: степь и табуны лошадей несутся по степи... С этим и заснул Мишка. И ему снилось, что тот самый служитель с выставки стоит над ним и хохочет — громко и глупо.” (с. 39)

⁶ См. Н. В. Баландина: Приемы сказа, [в:] Вопросы языка современной русской литературы, „Наука”, Москва 1971, с. 394.

⁷ См. Н. В. Баландина: там же, с. 396.

Характерной чертой рассказчика в прозе Шукшина является его смешанная речь, в которой выступают элементы литературного языка, народной речи и просторечий. Речь повествователя допускает типичные для жителей деревни выражения. Таким образом ликвидируется дистанция между повествователем и представленным им миром. В речи повествователя часто встречаются просторечия, например: *вышивоха, медовуха, оплеуха, жрать*; много слов и выражений, типичных для людей деревни, а также для разговорной речи, таких как: *дал пинка под зад, хворать, побывка*; встречаются даже вульгаризмы.

Во многих рассказах повествование ведется от третьего лица. Повествователь, используя прошедшее время, рассказывает о данном происшествии, вводит в ситуацию, дает описание внешнего вида героев, их характеристику, описывает природу.

В потоке повествования мы узнаем о психическом и физическом состоянии героев. Рассказчик знает, что происходит в головах персонажей, его знания охватывают внешний и внутренний мир героев, например:

„Пели не так чтобы уж стройно, но обоим сделалось удивительно хорошо. Вставали в глазах забытые картины. То степь открывалась за родным селом, то берег реки, то шепотливая тополиная рощица припоминалась, теплая и немножко жуткая [...] И было что-то сладко волнующее во всем этом.” (с. 28)

Эта способность рассказчика заглянуть в тайну мысли и чувств своих героев свидетельствует об использовании Шукшиным литературной конвенции, свойственной традиционному рассказу, в котором всезнание повествователя не нуждается в мотивировке этого присма. Тем не менее проза Шукшина, в основном, соблюдает персональную повествовательную перспективу, прикрепленную к сказовому рассказчику, человеку, если не выводившемуся из простого народа, то находящемуся близко к нему. Поэтому, быть может, повествователь в рассказах Шукшина отказывается от оценки поступков героев. Он, как будто, объективно представляет данные события, ситуации, не оценивая их. Это не обозначает, что Шукшину чужда всякая оценка, но она осуществляется не посредством оценочных заявлений, а вытекает из целостной конструкции рассказа, его сюжета. Кстати, по этому поводу сам писатель заявил:

„Я так полагаю, что сюжет несет мораль — непременно: раз история замкнута, раз она для чего-то рассказана и завершена, значит, автор преследует какую-то цель, а цель такого рода: не делайте так, а делайте этак. Или: это хорошо, а это плохо. Вот чего не надо бы в искусстве. Как читатель и зритель не верю поучениям ни из книг, ни с экрана. Это делается с помощью сюжета.”⁸

⁸ Г. Цитриняк: Василий Шукшин: Последние разговоры, „Литературная газета” 1974, № 46.

И действительно, в своих рассказах Шукшин соблюдает это правило. Нет в них поучений, нет непосредственных оценок поступков героев, хотя в рассказах затронуты очень важные проблемы, во многих поставлен самый важный вопрос: как жить?

„В рассказах Шукшина, — пишет А. Огнев, — почти не встретишь лично авторских «вторжений», хотя писатель никак не стремится скрыть свои симпатии и антипатии. Одна из отличительных особенностей произведений В. Шукшина — резкая определенность авторской позиции при внешне объективной манере изложения.”⁹

Возникает вопрос: каким способом автор выявляет свои симпатии и антипатии? Ответ дает сам Шукшин:

„Доброму человеку хочется найти хорошее умное слово: или он скажет в разговоре как-нибудь складно, метко, или я опишу, как он поздоровался с кем-нибудь просто, с достоинством. Мне хочется сказать, что он хороший человек, простыми словами этого не сделаешь. А написать просто: вот этот человек — хороший человек — этому не поверят. И правильно сделают.”¹⁰

Значит, в потоке повествования нет оценок героев, но при помощи своих поступков, поведения, речи — герои раскрываются перед читателем. Примером того, как выявляется отношение повествователя к героям, может послужить рассказ *Срезал*. Поначалу читателю кажется, что повествователь на стороне деревенского эрудита Глеба Капустина, который жестоко „срезает” всех приезжающих в деревню интеллигентов, но в самом конце рассказа, при помощи одного предложения, выявляется истинное мнение рассказчика:

„Глеб жесток, а жестокость никто, никогда, нигде не любил еще.” (с. 179)

Среди рассказов Шукшина есть и такие, в которых повествование ведется от первого лица. В таких случаях повествователем является, главным образом, один из жителей деревни, который рассказывает о каком-то происшествии из прошлого. Причем часто эти воспоминания вызваны либо определенным временем года, либо природой. Например, повествователь в рассказе *Горе* вспоминает одну ночь, которая ему запомнилась на всю жизнь, а это воспоминание извлекает из памяти запах полыни.

В рассказах, где повествование ведется от первого лица, писатель придерживается сказа в его „чистом” виде. Интересен рассказ *Постскриптум*, который начинается словами:

„Это письмо я нашел в помере гостиницы, в ящике длинного узкого стола, к которому можно подсесть боком.” (с. 261)

И дальше повествователь заявляет:

⁹ А. Огнев: О поэтике современного русского рассказа, изд. Саратовского университета, 1973, с. 137.

¹⁰ Анкета — Литература и язык, „Вопросы литературы” 1976, № 6, с. 148—150.

„Я решил, что письмо можно опубликовать, если изменить имена. Оно показалось мне интересным. Вот оно...” (с. 261)

И после этого короткого вступления рассказчик приводит письмо, найденное им.

Повествователь приводит письма и в других рассказах, например, *Два письма*, *Письмо*. Важно заметить, что установка на письменную форму рассказов не лишает их сказового характера. Оказывается, что форма письма, найденного случайно, мотивирует скорее подлинность рассказанного события, а не способа его реализации. Письма у Шукшина пишутся так, как бы они рассказывались.

Интересна новелла под заглавием *Раскас* — от героя ушла жена, но подробности этого происшествия опущены. Главное — это рассказ, который пишет потерпевший Иван Пегин в районную газету. Этот „раскас”, как озаглавил его герой, написан от первого лица и таким способом, что создается иллюзия, будто Иван Пегин рассказывает читателю о том, что произошло. Читая этот рассказ, мы слышим живую речь. Автор здесь последовательно придерживается сказа. Свидетельствует об этом уже начало, которое вызывает ощущение возникающего в момент говорения рассказа:

„Значит было так...” (с. 84)

Отступление от основной линии рассказа и возвращение к ней создают характерный ритм, свойственный обычному живому рассказу. Иван Петин вспоминает, например, время войны — пишет об этом два предложения и сразу же возвращается к рассказу о своей жене:

„У нас на фронте был один такой — вылитый Гитлер. Его потом куда-то в тыл отправили потому што нельзя так. Нет, этой все в город надо было. Там говорит меня все узнавать будут.” (с. 84)

Всему рассказу свойственна интонационная прерывистость. В рассказе есть обращения к воображаемому читателю, что также является характерной чертой сказа, например:

„Теперь смотрите што получается: вот она вильнула хвостом, уехала куда глаза глядят. Так? Тут семья нарушена. А у ей есть полная уверенность, что они там наладят новую? Нету. Она всего навсего неделю человека знала, а мы с ей четыре года прожили. Не дура она после этого?” (с. 85)

Имитация живой речи создается вопросительными и восклицательными предложениями, которых в рассказе очень много. Значит, этот „раскас”, предназначенный героем к напечатанию, содержит в себе многие элементы сказа.

Теперь займемся вторым сектором организации речи в рассказах Шукшина, то есть сферой высказывания героев.

Характерной чертой писательской манеры Шукшина в его рассказах является перевес высказываний героев над сферой повествования.

Пристрастие к диалогу — это примета стиля писателя. Функции диалога в рассказах писателя разнообразны. Диалог в его рассказах, как правило, психологически насыщен, дает почувствовать подлинное лицо героя. Его диалог изобразителен. Именно в диалоге раскрывается характер героя. Часто диалог приобретает композиционную роль и движет сюжет.

Диалоги в рассказах Шукшина построены, главным образом, в виде прямой речи. Повествователь приводит высказывания собеседников в натуральном виде, слово в слово, освобождая таким способом диалог от зависимости повествования. Нередко высказывания героев соединяют такие слова, как: *сказал, ответил, спросил* и другие. При помощи этих слов повествователь сообщает, что даст говорить героям, а он отступает на задний план. Например:

„— Антип, а Антип!.. Прости меня, если я чем-нибудь тебя обижаяю, — проговорила она сквозь слезы.

— Ерунда, — сказал Антип. — Ты меня тоже прости, если я виноватый.

— Играть тебе не даю...

— Ерунда, — опять сказал Антип. — Мне дай волю — я день и ночь согласен играть. Так тоже нельзя. Я понимаю.

— Хочешь, читушечку тебе возьмем?

— Можно, — согласился Антип.” (с. 29)

Во время разговора повествователь берет слово лишь для того, чтобы указать следующего собеседника или дать замечания относительно поведения героев, обстоятельств разговора, или же объяснить что-то непонятное читателю, например:

„— Да нет, — стал рассказывать Степан. — Там хорошо. Я, например, здесь раз в месяц кино смотрю, так? А там — в неделю два раза.

— Что же, вас туда собрали кино смотреть? — спросила Нюра весело.

— Почему?.. Не только, конечно, кино...

— Воспитывают, — встрял в разговор отец. — Мозги дуракам правляют.” (с.43)

В ходе разговора повествователь вмешивается, когда необходимо указать на происшедшую перемену поведения героев, например:

„— Заглянь через плетень, моя старуха в огороде?

— Зачем?

— У меня под печкой бутылка самогонки есть. Я б те вынес похмелиться-то.

Иван поспешно встал, заглянул в огород.

— Там, — сказал он, — в дальнем углу. Сюда — ноль внимания.

Старик сходил в дом, принес бутылку самогона и немножко ботуну. И стакан.” (с. 90)

Повествователь время от времени разъясняет, как ведут себя собеседники, что они делают, каково их отношение к другим лицам, принимающим участие в разговоре, каким тоном они высказывают свои мнения.

Бывает и так, что повествователь приводит диалоги героев в виде прямой речи совсем без вмешательства, даже без всяких указаний на говорящие лица, например:

„— Михеевна!.. Здравствуй, Михеевна! С праздником!

— С каким, Макар?

— А с воскресеньем.

— Господи, праздник!..

— Сын-то не пишет? Что-то давненько я к тебе не заходил...

— Некогда, поди-ка, расписываться-то. Тоже не курорт — шахты-то эти.

— Всем им, подлецам, некогда. Им водку литрами жрать — на это у них есть время. А письмо матери написать — время нет.” (с. 141).

Одной из функций диалогов в рассказах Шукшина является то, что они дают почувствовать подлинное лицо героев, именно в диалогах осуществляется психологическое раскрытие характеров, сквозь диалог ярко проступают все внешние и внутренние черты облика человека, который попал в орбиту писательского внимания. Индивидуальность героев проявляется в рассказах при помощи речевой характеристики.

Огромная роль принадлежит диалогу в рассказе *Вянет, пропадает*. Этот рассказ разворачивается как бытовая сценка, а повествование сведено к минимуму и напоминает развернутые ремарки. Весь рассказ составляет как будто диалог между тремя людьми: мужчиной, женщиной и подростком, которые сидят за столом и ведут разговор о самых мало-важных делах — о погоде, происшествиях прошлого. Но этот разговор построен так, что мы домысливаем недосказанное: одиночество женщины и ее ожидание счастья, духовный „вакуум” мужчины, раннюю рассудительность Славки¹¹. Все это вытекает из превосходно выстроенного, психологически насыщенного диалога, который в этом случае можем назвать драматическим.

Наряду с диалогом способом высказывания героев являются также монологи. Монолог — это форма представления мыслей и внутренних переживаний героев. В эпических произведениях мы имеем дело с внутренним монологом героя, который закреплен словами, но фактически не произнесен вслух. Монолог героя может быть более или менее связан с повествованием. Наиболее самостоятельный характер приобрета-

¹¹ См. А. Клитко: Осмысление каждодневности, „Сибирские огни” 1972, № 7, с. 161.

ет монолог, приведенный повествователем в виде прямой речи — мысли и переживания героя представлены от первого лица при помощи таких слов, как: *подумал, думал*. Примеры таких монологов находим в рассказах Шукшина:

„Садился в самолет не без робости. »Неужели в нем за полтора часа ни один винтик не испортится!« — думал.” (с. 105)

Или другой пример:

„»Ведь от чего так много дерьма в жизни: сделал один человек другому доброе дело, а тот завернул оглобли — и поминай как звали. А нет, чтобы и самому тоже за добро-то отплатить как-нибудь. А то ведь — раз доброе человек сделал, два, а ему за это — ни слова, ни полслова хорошего, у него, само собой, пропадает всякая охота удружить кому-нибудь. А потом скулим: плохо жить! А ты возьми да сам тоже сделай ему чего-нито хорошес. И ведь не жалко, например, этого дерьма — сала, а вот не догадаться, не сообразишь вовремя«. Ефиму приятно было сознавать, что он явится сейчас перед судьей такой сообразительный, вежливый. Он поостыл на холодке, протрезвился: трезвел он так же скоро, как пьянел. »Люди, люди... Умные вы, люди, а жить не вместе.«” (с. 137)

В рассказе *Горе* мы имеем дело с монологом героя, произнесенным вслух. У героя рассказа — дедушки Нечая — умерла жена, но он не может примириться с мыслью, что остался один, что жена ушла от него навсегда. Он приходит к ней на могилу и делится своими думами. Речь убитого горем человека передает состояние его души, это речь отрывистая, сбивчивая:

„Шибко горько, Парасковья: пошто напоследок-то ничо не сказала? Обиду, што ль, затаила какую? Сказала бы — и то легше. А то думай теперь... Охо-хо. Ну, обмыли тебя, нарядили — все как у добрых людей. Кум Сергей гроб сколотил. Поплакали. Народу, правда, не шибко много было. Кутью варили. А положили тебя с краешку, возле Давыдовны. Место хорошее, сухос. Я и сам там приглядел. Не знаю вот, што теперь одному-то делать? Может, уж заколотить избенку да к Петьке уехать...” (с. 74)

В рассказах Шукшина встречаем также монологи в форме несобственно прямой речи. Например, монолог старухи Кандауровой из рассказа *Письмо* — это внутренний монолог от третьего лица, но ему присущи черты, свойственные прямому высказыванию, то есть дословность мыслей, их хаотичность, характерны здесь и вопросительные предложения:

„Проснулась в страхе, до утра больше не заснула, обдумывала сон. Страшный сон. К чему?... Не с дочерью ли чего? Дочь старухиша, младшая, жила в городе, работала в хорошем месте продавцом. Она славная, дочь, всей родне слала посылки: кофточки им-

портные, шали, даже машины стиральные. Не за так, конечно, деньги ей, конечно, высылали, но... Иди нынче допросить и за деньги-то купить: все некогда им, вечно они там заняты. А эта находила время... Нет, она хорошая, Катерина, только с мужем неважно живут. Черт его знает, что за мужик попался: приедет — молчит целыми днями... Костлявый какой-то. Все думает чего-то, газетами без конца шуршит, зеваает. Ни поговорить, ни пошутить... Как лесина сухая." (с. 227—228)

Очень интересен язык героев, который является средством их характеристики. В нем выступают просторечия, слова и выражения, типичные для деревенских людей. В языке старых людей есть архаизмы. Речь героев очень проста, они в большинстве не говорят литературным языком, это язык народа. Для говоров характерны такие слова, как: *шибко, знамо дело, стыдоба, пошто, ишо, ничо, вишь, чо, чижало, должен, сэ-столь, робить, вить, хошь, слухайта.*

Характерно употребление слов с частицами *-ка, -то*, например:

„Чего орешь-то? — сердито сказала мать. — Не можешь никак потише-то?”

„Дети-то, были, поди.”

„Помоги-ка снять.”

„Гляди-ка.”

а также употребление частицы *ба* вместо *бы*, например:

„Ну в милицию съездил ба...”

Бывает, что герои, не зная слов, коверкают их, например:

„— К нам какой-то человек приезжал! — сказала она, едва старик показался в воротчиках. — На длинной автомобиле.”

Или:

„Потом схожу в контору — тоже возьму карактеристику.”

В рассказах Шукшина находим элементы, заимствованные прямо из фольклора. Герои в своих высказываниях часто приводят народные пословицы и поговорки, например:

„Непрошенный гость хуже татарина”,

„Этого голый рукой не возьмешь”,

„К черту на кулички”,

„Баба с возу — коню легче”,

„Деньги как корова языком слизнула.”

В потоке повествования знакомимся с обрядами, например:

„Предстояло прощание с печкой. Всякий раз, когда Иван куда-нибудь уезжал далеко, мать заставляла его трижды поцеловать печь и сказать: »Матушка печь, как ты меня понла и кормила, так благослови в дорогу дальнюю«” (с. 96)

Для фольклора характерны употребляемые в повествовании такие обороты как: *давно-давно, жил-был.*

Бывает, что высказывания героев построены как типичное фольклорное причитание, например:

„Ох, да за што же мне долюшка така-ая-а?... Да копила-то я их, копила!... Ох, да лишний-то фраз кусочка белого не ела-а!... Ох, да и детушкам своим пряничка сладкого не покупала!... Все берегла-то я, берегла, скважина ты кривоносая-а!... Ох-х!... Каждую-то копейку откладывала да радовалась: будут у моих детушек к зиме шубки теплые да нарядные!... И будут-то они ходить в школу не рваные да не холодные!...” (с. 164)

Шукшин приводит в своих рассказах также народные песни и частушки. Вот пример одной из песен:

„Не шей ты мне, ма-мишка,
Красный сарафа-ан, —
Не входи, родимая,
Попусту в изъян...” (с. 28)

Обобщая, мы приходим к выводу, что повествовательная манера Шукшина — это сказ, который создает иллюзию речи импровизированной, неподготовленной, звучащей, возникающей непосредственно в момент говорения. В шукшинском сказе выступает много элементов, характерных для этого приема. Определить традицию сказа у Шукшина трудно. Его сказ произошел в большей части от фольклора. Находим в нем также прием употребления странных слов, коверкания — и это идет от традиции знаменитого русского писателя Николая Лескова. Со сказом Николая Гоголя связывает Шукшина использование народных источников — речи народа и элементов говорков.

Рассказчик в рассказах Шукшина конкретно не определен, но его речь свидетельствует о том, что он находится в той же плоскости, что и представленный им мир, он очень близок к людям, которых представляет. Характерной чертой рассказов является преобладание высказываний героев — то есть их диалогов и монологов — над сферой повествования в собственном смысле этого слова.

Barbara Jakubowska

SŁOWO ARTYSTYCZNE W OPOWIADANIACH WASILIJA SZUKSZYNA

Streszczenie

Artykuł stanowi próbę przebadania zagadnienia słowa artystycznego w opowiadaniach Szukszyna. Problem ten został rozpatrzony na dwóch płaszczyznach — narracji oraz wypowiedzi bohaterów.

Opowiadania Szukszyna charakteryzuje specyficzna maniera narracyjna określana jako skaz. W skazie pisarza występuje wiele elementów charakterystycznych dla tego typu narracji. Skaz Szukszyna wyróżnia się także specyficzną intonacją, przerywaniem toku wypowiedawczego i szczególnymi środkami gramatycznymi.

Cechą wyróżniającą prozy Szukszyna jest dominacja sfery wypowiedzi bohaterów nad sferą narracji. Pisarz szeroko wykorzystuje w swych utworach dialog. Osobliwa jest mowa bohaterów, którą cechuje użycie języka bardzo prostego — języka ludu z elementami gwarowymi.

Barbara Jakubowska

ARTISTIC WORD IN WASYL SHUKSHIN'S SHORT STORIES

S u m m a r y

The article is an attempt to examine the problem of artistic word in Szukszyn's short stories. The problem has been analysed on two levels: narration and the characters' utterances.

The method of narration called „skaz” is a specific characteristic feature of Szukszyn's short stories. Some elements typical for this kind of narration occur in the writer's skaz. Szukszyn's skaz is also distinguished by a specific intonation, an interrupted speech flow and specific grammatical devices.

The distinguishing feature of the Szukszyn's prose is the domination of sphere of the characters' utterances over the narration sphere. The writer introduces a lot of dialogues in his works. The language of the characters is specific — it is the language of common people, with dialectal elements.